

Эта ванная не шла ни в какое сравнение с узкой и маленькой туалетной комнатой в доме дяди. Чистая белая ванна с системой регулирования температуры пробудила в Линь Кэсун внезапное желание принять душ.

Она подготовила комплект сменной одежды. Включила душ и сладостно ощутила теплую воду, стекающую по ее телу. У нее было настолько хорошее настроение, что она начала напевать под нос какую-то мелодию.

Но в момент поворота она издала резкий крик и чуть не упала на задницу. Потому что Цзян Цяньфань с равнодушным видом прислонился рукой к двери ванной, и кто знает, как долго он наблюдал.

Линь Кэсун крепко обняла себя и шагнула назад, шампунь и гель для душа стекали с ее тела, издавая звук лопающихся пузырьков.

— Ты... как ты смеешь входить! Разве ты не знал, что я принимаю душ!

Линь Кэсун так разозлилась, что ее мозг был готов взорваться! Она поспешно притянула полотенце, чтобы завернуться в него.

Прошло две секунды, прежде чем Линь Кэсун поняла, что Цзян Цяньфань вообще-то не мог видеть.

Пар из ванной дошел до лица Цзян Цяньфаня, останавливаясь и рассеиваясь. В этот момент обычно холодное и строгое лицо казалось мягче.

Но почему у нее возникло ощущение, что взгляд Цзян Цяньфаня был сфокусирован на ее теле, следя за лицом, шеей, и даже за полотенцем, как будто он крепко обнимал ее.

Ее сердце начало бешено биться. Она не могла удержать воздух в легких, дыхание сбилось.

— Ты знаешь, который сейчас час? — медленно спросил Цзян Цяньфань.

Слегка приоткрытые губы были причиной порыва Линь Кэсун.

Как вспышка вдохновения у нее появилось желание крепко схватиться за него.

— Девять... сорок? — она взглянула на часы на стене через открытую дверь ванной.

— Майер должен был сказать тебе раньше, что тебе не позволено принимать душ после девяти часов.

Линь Кэсун промолчала. Майер действительно говорил ей, просто она не вспомнила...

— Ты слышишь, как я принимаю душ? — неуверенно спросила Линь Кэсун. В конце концов ее комната была довольно далеко от комнаты Цзян Цяньфаня.

— Да, я прекрасно это слышу. Итак, ты нарушила мой покой, Линь Кэсун.

Она не знала почему, но, когда он назвал ее «Линь Кэсун», на дне ее сердца появилось разочарование.

— У тебя такой острый слух... — Линь Кэсун скривила рот.

— Мой слух действительно острый. Я слышу твоё дыхание, когда ты лжешь, слышал слова, которые ты сказала в уборной в торговом центре, и слышал звук воды, утекающей из этой виллы. Даже если я не захочу слышать, я все равно смогу услышать. Ты понимаешь, что я говорю?

— Понимаю, — Линь Кэсун сжала губы.

«Нельзя громко разговаривать в комнате, нужно надевать наушники во время просмотра фильма или прослушивания музыки, и нельзя принимать душ после девяти... другими словами, нельзя делать ничего, что создает звук! Какая жалость, я не мертва. Мертвый не будет двигаться и сможет удовлетворить твои чрезвычайные требования "абсолютной тишины"».

Цзян Цяньфань развернулся и ушел. Линь Кэсун начала убирать бутылочки и баночки с пола.

Она никак не сможет так жить!

Но, присев на корточки, она почувствовала сильную жалость к Цзян Цяньфаню. Причина, по которой он смог войти в ванную, была в том, что она забыла запереть дверь.

Представьте, если бы в ванной была не Линь Кэсун, а прекрасная сексуальная девушка! У других мужчин, увидевших это зрелище, пошла бы кровь из носа. Но он, Цзян Цяньфань, не может видеть! Как же печально!

Линь Кэсун приглушенно засмеялась.

Затем она потерла затылок. Почему у нее возникло тоскливое чувство, что ее видели обнаженной?

Цзян Цяньфань вышел из комнаты Линь Кэсун, прошел по укромному длинному коридору и

вернулся в свою комнату.

Там, сидя на диване, его терпеливо ждал доктор Се.

— Цяньфань, что случилось?

— Линь Кэсун была в душе, — Цзян Цяньфань сел.

Доктор Се наклонил голову и слегка полистал папку, содержащую информацию о Линь Кэсун.

— О, неужели звук душа прервал нашу беседу?

Хотя доктор Се не слышал никаких звуков.

— Да.

Доктор Се слегка дернул уголками губ, и медленно, без спешки сказал:

— Я слышал, что прошлой ночью ты позволил Линь Кэсун спать на своем диване?

Цзян Цяньфань слегка отвернул голову в сторону, свет оставлял печальные следы на его лице. На самом деле он не открыл рот, чтобы ответить. Потому что, по его мнению, этот вопрос не требовал ответа.

— Почему она пришла к тебе в комнату? — продолжал спрашивать доктор Се.

— Она была пьяна, перепутала комнату.

— То есть, ты почувствовал запах алкоголя от ее тела? — доктор Се задумчиво посмотрел на Цзян Цяньфаня. — Ты проигнорировал этот запах, Цяньфань.

— На что ты намекаешь?

— И сегодня, ты должен был ждать ее в машине, но, осознав, что она не вернулась через десять минут, ты пошел в торговый центр искать ее.

— Вам это Майер рассказал?

— Это то, что он должен был сказать, так что не вини Майера. Однако, ты когда-нибудь

задумывался о том, почему ты пошел искать ее и почему ждал ее у уборной?

— Я никогда не задумывался об этом, — голос Цзян Цяньфаня был холоден, как лед.

Доктор Се улыбнулся и сменил позу:

— Возможно... Только возможно. Ты знаешь, что ты сам по себе очень строг, знаешь, что проживаешь жизнь человека, чьи слух, обоняние, вкус и осязание в 10 раз сильнее, чем у обычного человека, и еще ты знаешь, что твое стремление к совершенству заставит людей сторониться тебя. Поэтому ты обеспокоен, что она окажется такой же, как все, развернется и уйдет, не сказав даже «пока».

— Вы слишком чувствительны, доктор Се, — лицо Цзян Цяньфаня как будто было из камня, на нем не было ни одного движения.

— Ты просто пошел напомнить ей не принимать душ после девяти и следовать правилу абсолютной тишины после девяти на этой вилле. Но звуки ее душа, вызывают ли они беспокойство на этой вилле, или же в твоём сердце? — голос доктора Се прятал намек на улыбку.

— Мое сердце совершенно спокойно.

Доктор Се рассмеялся:

— Цяньфань, ты уверен, что мысли, возникшие в твоей голове, когда раздался звук душа, не были о воде, бегущей по ее шее, плечам, кончикам пальцев? — Его голос был спокойным и теплым, но в нем была необъяснимая сила, как будто он барабанил в глубинах сознания.

— Не были, — ответ Цзян Цяньфаня был лаконичным и уверенным.

— Ты уверен в том, что пошел не потому, что хотел увидеть?

— В ней нет ничего, что я хотел бы увидеть.

— Ты уверен, что хотел сказать ей именно «никакого душа после девяти», а не «покинь мои мысли»?

— Доктор Се, количество ваших вопросов уже превысило то количество, которое может задать психолог. И я уверен, что я все еще отношусь к категории психически здоровых. Нет депрессивных тенденций, нет антисоциальных черт личности, и нет характеристик самоизоляции. Я не понимаю, в чем ценность ваших вопросов.

— Ты не только защищаешься от меня, но еще и агрессивен. — Доктор Се дотронулся до своего подбородка и глубоким тоном сказал: — Это значит, что я задал правильные вопросы. Я всего лишь задал вслух те же вопросы, которые ты задавал сам себе. Какой-нибудь философ может увидеть сущность мира в песчинке. То же можно сказать и о тебе. Песчинка может быть очень маленькой, небольшой просчет — и она исчезнет, ее уже никогда не найти.

— Спасибо за напоминание.

— О, у меня здесь фотография Кэсун, может, мне нужно описать, какой ты ее видишь?

— В этом нет необходимости, — Цзян Цяньфань встал, жестом указывая на дверь.

Но доктор Се сделал вид, что не увидел этого, и продолжил:

— Ее кожа сияет, глаза очень большие.

— Доктор Се, время сегодняшней консультации уже закончилось.

— Маленький носик, а когда она улыбается, кажется, что у нее есть ямочка слева.

— Доктор Се, — низким голосом сказал Цзян Цяньфань.

— Короткие волосы, но полны энергией.

Цзян Цяньфань повернулся лицом к двери.

Уголки губ доктора Се поднялись и он, наконец, встал и пошел.

Подойдя к двери, он остановился:

— Цяньфань, по сравнению с обычным человеком, ты еще лучше знаешь, что понять человека — это не только «видеть».

В комнате снова стало тихо. Цзян Цяньфань долгое время молча сидел перед диваном.